

Внешний бог?

Артемида посмотрела на задрапированное тканью изваяние:

— Внешний бог снисходит... Медея не жрица Гекаты, а последовательница какого-то другого божества?

С этими словами она сделала несколько шагов вперед, ухватила за край ткани и попыталась сорвать ее, чтобы увидеть истинный облик статуи.

— Кто там? — внезапно раздался вдалеке девичий оклик, многократно отразившись от стен, далекий и пустой. Тут же посмертели торопливые шаги — казалось, кто-то стремительно приближался.

Обе переглянулись и быстро разошлись в разные стороны. Афина одним прыжком взлетела на высокий постамент, где стояло изваяние, и укрылась за ним; Артемида же взбежала по опорной колонне на крышу святилища, крепко сжав в руке лук, и принялась сверху наблюдать за малейшим движением.

Вскоре в святилище появилась изящная фигура Медеи. На ней небрежно накинута длинная мантия, светлые волосы растрепаны, а в глазах, несмотря на настороженность, отчетливо читалась сонливость.

Медея быстрыми шагами прошла в главный зал святилища. Мерцали лампы, язычки пламени колыхались от легкого ветерка, однако они не отбрасывали ни единой чужеродной тени. Женщина с подозрением обошла вокруг статуи, но кроме звука ее собственных шагов — тап-тап — не раздавалось ни малейшего шороха.

Она нахмурилась, начав сомневаться, не слишком ли сильно она нервничает, раз принимает незначительные шорохи за чью-то слежку за святилищем.

Но кто бы ни был здесь, и был ли кто вообще, это не может помешать... Медея вспомнила дневную встречу — высокого, красивого мужчину, похожего на сияющий Сириус, и ее щеки невольно залились румянцем.

Он сказал, что готов отвезти меня на свою родину, сделать своей единственной царицей, облачить в самые роскошные наряды и окружить поклонением и восхищением народа... Какая опьяняющая клятва! Поэтому сегодняшние приготовления должны быть еще более осторожными, ради прихода божества, ради... нашего общего будущего.

Афина стояла вплотную к изваянию, двигаясь лишь тогда, когда шагала Медея, чтобы каждый ее шаг совпадал по времени и звуку с шагами жрицы. Из-за массивного изваяния Медея так и не заметила, что позади кто-то прячется.

Долгое время не было слышно шагов, и Афина осторожно выглянула из-за статуи: Медея стояла на коленях перед изваянием, благоговейно склонив голову в молитве. На земле перед ней стояла маленькая жаровня, рядом с которой теснилось множество баночек и склянок; в нескольких посудилах крышки были сняты, и темная жидкость внутри в такт молитвенным песнопениям покрывалась пузырями.

Она уже отдала зелье Ясону, так что же она варит сейчас?

Переливчатые молитвы Медеи складывались в особый ритм, но звучали на незнакомом языке. По идее, мир испытания переводит любые наречия на родной язык странников, и непонимания возникать не должно, однако пение Медеи и впрямь напоминало нечитаемые иероглифы древности, смысл которых постичь было невозможно.

Возможно, это вообще не язык — по крайней мере, не из этого мира.

Прежде чем она успела вникнуть в это глубже, Медея приступила к процессу варки зелья: она поочередно добавляла жидкие снадобья из склянок, а затем развела в жаровне огонь с помощью света лампы, действуя умело и методично.

Афина хотела продолжить наблюдение, как вдруг черная жидкость в жаровне стремительно взметнулась вверх, сплелась в воздухе в две похожие на лианы плети и стремительно бросилась на них, огибая изваяние.

Дрянь! Зрачки Афины сузились, она напрягла ноги, собираясь отпрыгнуть, но испугалась выдать себя и быть узнанной Медеей. Она лишь проклинала собственную самонадеянность: пришла среди ночи и даже не взяла оружие.

Раздался свист рассекаемого воздуха, и две стрелы, окутанные божественной силой, почти одновременно вонзились в лианы. По идее, состоявшие из зелья плети не должны были бояться физических атак, но то ли из-за божественной мощи наконечников, то ли по иной причине, лианы отпрянули, словно от удара током, испустив пронзительный визг.

Возможно, сравнение с растениями было не совсем точным — эти лианы больше напоминали какое-то животное, например, щупальца осьминога.

Пользуясь тем, что Артемида выиграла время, Афина правой рукой ухватила за ткань, из всех сил рванула ее, целиком сдергивая тяжелое полотно со статуи, и тут же крутанулась на месте. Взметнувшееся широкое полотно заслонило обзор, подняв тучи пыли, пламя в лампадах затрепетало, и многие из них погасли.

Скрывшись за летящей тканью, Афина стремглав прыгнула с пьедестала и растворилась во тьме за пределами святилища.

— Не слишком ли я высокомерна?

В лунном свете Афина и Артемида шли плечом к плечу, а листва шелестела на ветру.

— Знакомые лица, знакомые события и... эта эпоха, когда мы восседали на горе Олимп, как же все это ностальгично. — Афина остановилась и подняла взгляд к небу в сторону Олимпа. — С самого начала этого испытания я во многом ошибалась и чуть было не поплатилась за это. В прошлый раз меня предупредил Шэнь Хэн, а в этот — спасибо тебе.

Арл, скажи... не слишком ли я горделива?

Лунной ночью по небу изредка проплывали облака, свет то густел, то слабел, и гладкие золотистые волосы богини луны переливались, словно речной поток.

Она смотрела на Афины, и в ее сапфировых глазах словно пряталась пара полных лун, или же плескались чистые родники.

Она произнесла:

— Но я верю, что богиня победы непременно приведет нас к победе.

Афина слегка вздрогнула — эту фразу она слышит не впервые.

Тогда, во время Троянской войны, перелицевавшей границы между мирами людей и богов, у стен Трои Артемида впервые встала по другую сторону баррикад. Афина уговаривала ее не слишком вмешиваться в грядущую битву богов, но Артемида лишь улыбнулась.

В тот день Арль сказала:

— Но я верю, что богиня победы непременно приведет нас к победе.

С того самого мига Афина поняла: Арл разгадала все ее секреты.

Теперь же, прозвучав вновь, эти слова несли совершенно иной смысл.

Пусть время течет и меняются ландшафты; пусть путь усеян терниями и полон преград. Но я знаю, что по-прежнему могу доверять тебе, могу вечно полагаться на тебя.

Афина улыбнулась.

— Пожалуй, ты права, — ответила она.

Посвятив полжизни войне, давно следовало усвоить, что гладких дорог не бывает. Ошибки в суждениях, психологические промахи — неважно. Раз обнаружила, значит, сможешь исправить.

К тому же, я иду не в одиночку. А если случится оплошность, всегда наготове безотказные стрелы.

Богиня войны отвела взгляд, и в глазах под сенью длинных ресниц вспыхнул еще более яркий свет.

—————

Увидев возвращающихся подруг, Шэнь Хэн поспешно шагнула им навстречу и встревоженно спросила:

— Вы активировали скрытое задание? Что значит внешний...

Афина приложила палец к губам, призывая к тишине, прошла в угол каюты, села и тихо сказала:

— Долгая история. Наши изначальные предположения оказались неверны. Скрытое задание связано не с самой Медеей, но имеет к ней отношение.

И она по порядку пересказала все увиденное в святилище, изредка получая дополнения от Артемиды. Наконец Афина спросила:

— Шэнь Хэн, ты не знаешь, что за зелье варила Медей?

— Ничего подобного я никогда не слышала, — тщательно припомнив, уверенно ответила та. — Обычное зелье не требует никаких молитв и не может вести себя так. Скорее, это... ну, как бы лучше выразиться...

— Слово зелье — лишь проводник, и с его помощью она призывает нечто совсем иное.

Призывает? Обе синхронно вспомнили те две дрянные твари, похожие то ли на лианы, то ли на щупальца осьминога: хотя их концы тянулись очень далеко, корни, судя по всему, были соединены с сосудом на жаровне. Если рассуждать так, версия с призывом звучала вполне

убедительно.

— Кстати, Паллада, ты в конце сорвала ткань, как выглядело то изваяние? — поинтересовалась Шэнь Хэн.

Артемида подняла руку:

— Я видела. Верхняя половина статуи — женщина, нижняя — осьминог, кишачий множеством щупалец. Наверное, именно такая тварь на тебя и напала.

Волосы очень похожи на те, что у Медузы — извивающиеся мелкие змейки; а вся спина усыпана глазами, и все они раскрыты, жуткое зрелище. Лица я не разглядела, не знаю, были ли там еще какие-то странности.

Шэнь Хэн с непроницаемым лицом мысленно набросала образ этого внешнего бога и тут же ощутила, как по спине пробежали мурашки — что за божество такое? Выглядит так, будто его слепили из случайных обрезков материала!

— Теперь я считаю, что задание чертовски верное: лучше бы этому внешнему богу вообще не являться!

Афина согласилась:

— Я тоже полагаю, что без его прихода будет лучше. По крайней мере, некогда ведавшая искусствами и ремеслами, она решительно не могла оценить подобную причудливую эстетику: — Вопрос в том, как помешать этому. Нам ничего не известно ни о времени, ни о способе снисхождения внешнего бога, поэтому сейчас остается лишь цепляться за Медею и судить по ее действиям.

— Интересно, зелье, которое Медея отдала Ясону, не создано ли с помощью того же внешнего бога? — Артемида закинула руки за голову, прислонившись к деревянной переборке каюты, и расслабилась. — Завтра поглядим на поведение Ясона, а на сегодня дел и так хватает, давайте сначала отдохнем.

Афина и Шэнь Хэн тоже устроились поудобнее. Половина ночи уже миновала, и кто знает, что принесет грядущий день?

На следующий день Ясон проснулся необычно рано. Следуя указаниям Медеи, он щедро натерся мазью с ног до головы, а также смазал копье, меч и щит. Закончив с этим, он достал другую порцию зелья, разлитую в сосуд из невиданного в здешних краях материала, наощупь прохладного и гладкого, с плавными линиями.

Медея прекрасна, обладает двойным титулом царской дочери и жрицы, да к тому же владеет искусством создания зелий — ее помощь, как сейчас, так и по возвращении на родину, превзойдет любые ожидания.

А эта восточная девица с труднопроизносимым именем, Шэнь... Хэн, лицом не вышла, но обладает напускной таинственностью. Перед лицом роскошного дворца она сохраняет невозмутимость — должно быть, происходит из богатых земель. Жаль только, она чужестранка, а брать в жены чужестранку — не лучший выбор.

Интересно, испытывает ли она ко мне какие-то чувства? Жениться я на ней не намерен, но заручиться ее поддержкой по максимуму необходимо, так что придется всё тщательно продумать.

Что до Афины и Артемиды, о них Ясон даже не помышлял. Он умен: столь властные и трезвые женщины заведомо не станут полагаться на мужчин и не поддадутся на сладкие речи. Получить их помощь в этом плавании — вот и всё, что требуется.

Даже будь здесь богиня любви Афродита, и та, пожалуй, вынуждена была бы признать, что Ясон отлично разбирается в женщинах.

Ясон откупорил подаренный Шэнь Хэн флакончик и тщательно втер зелье в ладони. Теперь от каждого прикосновения его рук к священным быкам те будут слабеть, тогда как он сам заблаговременно выпил противоядие, так что пагубное действие зелья ему не грозило.

Ясон затянул ремни доспехов, надел переданный другом шлем, закинул за спину меч и во главе товарищей уверенно зашагал к полям Ареса. На земле уже стояли ряды упряжи, выкованной из чистейшего железа, издавая при столкновении тяжелый звон.

Царь уже ждал там: облаченный в грозные доспехи, с золотым шлемом, увенчанным четырьмя султанами, он выглядел так, будто сам собирался вступить в бой, хотя ему предстояло лишь наблюдать. Увидев приближающегося Ясона, он с трудом скрывал самодовольство:

— Храбрый чужеземец, если ты сейчас отступишь, можешь покинуть мои владения. Иначе, когда появятся быки, никто не гарантирует, останешься ли ты в живых.

Ясон громко ответил:

— Великий царь, я прибыл сюда именно для того, чтобы покорить быков, и ни за что не сбегу с поля боя. Прошу, не трать слов зря и выпусти священных быков! Я докажу тебе, что я — тот самый герой, которому суждено унести Золотое руно.

Говоря это, он бросил взгляд на стоявшую вдали Медею, вглядывавшуюся в его сторону, и не преминул одарить ее уверенной улыбкой.

На сердце у Медеи было сладко и тревожно: она помогла чужеземцу, предав собственную родину. Но она ни за что не предаст божество — так или иначе, она обязана дожидаться прихода бога. Если сегодня он одержит победу, какой же предлог придумать, чтобы задержать его еще на несколько дней?

На поле раздались два яростных рева, и из подземной норы, изрыгая пламя из ноздрей, выскочили дикие быки, один за другим устремляясь к Ясону.

<http://bllate.org/book/19243/1887366>